

Загорулькина Юлия Викторовна

СТАТЬИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА И ДРАМЫ Л. Н. ТОЛСТОГО: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВ КНИГИ ИОВА

В статье рассматриваются мотивы Книги Иова в той части критического наследия Н. А. Добролюбова, которая обращена к анализу драматургии А. Н. Островского, а также в драматургии Л. Н. Толстого. В связи с этим предлагаются уточнения жанрового своеобразия философских драм Толстого, и обосновывается новаторство Добролюбова, косвенно указавшего, несмотря на установки "реальной критики", на библейский контекст русской драматургии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются мотивы Книги Иова в той части критического наследия Н. А. Добролюбова, которая обращена к анализу драматургии А. Н. Островского, а также в драматургии Л. Н. Толстого. В связи с этим предлагаются уточнения жанрового своеобразия философских драм Толстого, и обосновывается новаторство Добролюбова, косвенно указавшего, несмотря на установки «реальной критики», на библейский контекст русской драматургии.

Ключевые слова и фразы: Л. Н. Толстой; Н. А. Добролюбов; Книга Иова; драма; конфликт света и тьмы.

Загорюлькина Юлия Викторовна

Московский городской педагогический университет

julia_pyatkina@mail.ru

СТАТЬИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА И ДРАМЫ Л. Н. ТОЛСТОГО: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВ КНИГИ ИОВА

Целью статьи является постановка вопроса о некоторых особенностях реминисцентного фона статей Н. А. Добролюбова и драм Л. Н. Толстого. В современном литературоведении еще не ставилась задача исследования мотивов ветхозаветной Книги Иова в русской драматургии, однако в библеистике неоднократно отмечалось родство Книги Иова с драматургическими формами, что позволяет уделить особое внимание идейным и стилистическим переключкам с Книгой Иова в драмах Л. Н. Толстого, а также в статьях Добролюбова, посвященных драматургии А. Н. Островского.

Пятой частью своей статьи «Темное царство» Добролюбов предпослал эпиграф из оды М. В. Ломоносова «Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41», процитировав в слегка измененном виде два заключительных стиха: «В терпении тяготу сноси И без роптания проси» (в оригинале: «В надежде тяготу сноси И без роптания проси») [4, с. 125]. Говоря о жертвах самодуров, критик еще раз обращается к стихам Ломоносова, подчеркивая, что слабым и зависимым в «темном царстве» ничего не остается, кроме как «с терпением тяготу сносить И без роптания просить...» [2, с. 121]. Знаменательна эта замена «надежды» на «терпение», да и вся эта косвенная отсылка (через Ломоносова) к проблематике одной из самых противоречивых и загадочных книг Ветхого Завета о философе-страдальце, поставившем под сомнение не только благость и справедливость ветхозаветного Яхве, но и его всеведение.

«Темное царство», знаменитый образ-заголовок статьи Добролюбова также соотносится с Библией, с новозаветным выражением «власть тьмы» (Лк. 22: 52-53, а также Кол. 1: 12-13). Как пишет В. А. Недзвецкий, власть самодуров – это, по Добролюбову, «“темное царство” (“власть тьмы”) в первоначальном, восходящем к Библии значении» [5, с. 225]. С заголовком добролюбовской статьи переключается название одной из драм Л. Н. Толстого. «В русский язык оборот вошел в конце XIX в. после публикации в 1887 г. пьесы Л. Н. Толстого “Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть”» [3, с. 91]. В статьях Добролюбова, в силу воспитания хорошо знавшего Библию, хотя и не пошедшего по стопам своего отца (священника), нередко библейские образы, в частности, в статье «Луч света в темном царстве» (1860) творец, художник сравнивается критиком с пророком Валаамом (Числа), причем Добролюбов уже вкладывает в это сравнение тот же смысл объяснения истоков подлинной художественности, что и Л. Н. Толстой, который позднее проводит подробные параллели с историей Валаама в своем послесловии к чеховской «Душечке» (1905).

С блеском используя в своей «реальной» критике библейские аллюзии, перифразы, сравнения, Добролюбов все же в большинстве случаев придерживается ортодоксальной, распространенной трактовки, подчиняя всё интеллектуальное и интертекстуальное богатство своих статей определенным публицистическим задачам, далеким от религиозных вопросов и богословской проблематики. Так, обращение к истории Иова продиктовано тем, что Иов, согласно общепринятому толкованию, есть образец терпения и покорности. Опосредованный поэтическим изложением Ломоносова, этот сюжет, с точки зрения критика, приобретает еще более явный смысл прославления покорности и позорного раболепия, неприемлемого для борца с «темным царством». Зачин оды Ломоносова («О ты, что в горести напрасно На Бога ропщешь, человек, Внимай, коль в ревности ужасно, Он к Иову из тучи рек!») [4, с. 122] настраивает читателя на покорность, как и процитированный Добролюбовым апофегматический финал.

К образам Книги Иова обращался в своем творчестве и Л. Н. Толстой. В работе Е. В. Белоусовой [1, с. 163-167] проанализированы пометы Толстого на страницах Книги Иова в яснополянских экземплярах Библии. Исследовательница останавливается на упоминаниях Книги Иова в вариантах «Анны Карениной», а также убедительно прослеживает связь сюжета об Иове с повестью «Смерть Ивана Ильича» (1886) и незаконченным рассказом «Жил в селе человек праведный» (1882), усматривая в самом построении первой фразы рассказа («Жил в селе человек праведный, звать его Николай» [8, т. 26, с. 461]) влияние зачина Книги Иова: «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен...» (Иов: 1, 1).

Добавим к этому, что и другие наброски замыслов и незаконченные произведения Толстого содержат отсылки к Книге Иова. К наброску «Жил в селе человек праведный» примыкает отрывок [«Миташа»] (1886), в зачине которого содержится похожая фраза: «Жил человек богатый Миташа» [Там же, с. 529]. Стилистика и реминисцентный фон «Миташа» в целом ориентированы на Книгу Иова. Но самым непосредственным образом сюжет об Иове представлен в одном из вариантов начала незаконченного романа «Сто лет» (1877-1879).

В этом фрагменте (в Полном собрании сочинений Толстого он напечатан в 17-ом томе вместе с другими началами романа под заголовком [«Начала» романа «Сто лет»]) пересказ сюжета об Иове вложен в уста старого крестьянина Евстигнея, т.е. представляет собой своеобразный «текст в тексте». Имя Иова не упомянуто, он назван «святым отцом», но сюжетная канва ветхозаветной книги и даже главные смыслы афористических высказываний Иова переданы верно: «Дал бог, говорит, и взял», «когда мне бог достатки посылал, я, говорит, не брезговал, примал, надо и теперь, говорит, примать, чего посылает» [9, т. 10, с. 489]. «Терпеть надо», – делает вывод Евстигней [Там же]. Таким образом, в варианте начала романа, представляющего собой одну из попыток Толстого вернуться к исторической теме после «Анны Карениной», актуализируется библейский контекст, причём сюжет задуманного произведения мог проецироваться Толстым на сюжет Книги Иова.

Однако вряд ли призыв к терпению и покорности можно назвать смысловой доминантой, исчерпывающей смысл мотивов ветхозаветной книги в произведениях Толстого. Для Добролюбова было важно подчеркнуть, что забытые самодурами персонажи Островского не способны роптать, противостоять самодурам, т.е. изначально покорны и не возвышаются даже до Иова, ставшего образцом смирения, но все же дерзавшего обратиться к Богу с вопросами о справедливости. Для Толстого же семантика Книги Иова гораздо более сложна и многогранна. Недаром в философском трактате Толстого «О жизни» (1886-1887), в [«Речи о народных изданиях»] (1884), предназначавшейся Толстым для совещания о программе «Посредника», Книга Иова упоминается как один из наиболее трудных для понимания древних текстов.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, какую роль играет имплицирование Книги Иова в драмах Толстого, напомним о связи этой ветхозаветной книги с драматургическими формами. На фоне других библейских книг она уникальна по своему сюжету, по затронутым в ней проблемам, по стилю и композиции. Исследователи не без основания сопоставляют Книгу Иова с произведениями величайших трагиков: Эсхила и Эврипида. В ней проявляется особое драматургическое начало, основная ее часть – это диалоги Иова с оппонентами, четверьмя его друзьями, а затем – речи Бога «из тучи», обращенные к Иову, и ответы Иова. Пролог, в котором повествуется о том, что сатана поставил под сомнение бескорыщность Иова-праведника и получил от Бога право испытать его, и эпилог, в котором обозначено торжество и вознаграждение мужественного страдальца, написаны прозой. Основная часть, диалоги Иова с собеседниками, рассматриваются в библеистике как стихотворный текст. Несомненно, наряду с драматургическим и полемическим талантом, и поэтический дар автора этой книги. Не отождествляя автора Книги Иова с ее героем, современная библеистика допускает, что «поэма в какой-то степени автобиографична» [6, с. 63].

Главная мысль Добролюбова в статьях о «темном царстве» – это вопрос, сколько же можно терпеть незаслуженное страдание. Но отсылка к образу терпеливого Иова неожиданно высвечивает другую, более важную грань драматургии А. Н. Островского. Это проблема теодицеи и даже намеки на иерофанию: Иов, как и Катерина в «Грозе», держит ответ перед Богом; в ветхозаветном тексте говорится, что «Господь отвечал Иову из бури» (Иов: 38, 1); о символике грозы и других небесных явлений в пьесе «Гроза» нет необходимости напоминать. Таинственные явления природы подвластны только Богу – таков один из важнейших выводов Книги Иова, и мимо этого аспекта не проходит, разумеется, Добролюбов, для которого это только суеверие, за что он и порицает жителей Калинова.

Проницательное сближение критиком конфликтов многих пьес Островского с метаситуацией Иова открывает глубинные интенции драматурга, высвечивает причины обращения русской драмы к проблеме «забитых людей», т.е. универсальное, онтологическое значение конфликта. Вторая важная причина сближения русской драматургии с Книгой Иова – диалогическая природа последней. Дискуссионная форма характерна для Книги Иова и пьес Островского, а тем более – пьес Л. Н. Толстого. Добролюбов также прибегает к этой форме в своих статьях, давая место обширным выпискам из других критиков, задавая вопросы и отвечая на них, представляя и опровергая возражения своих оппонентов. Сам критик говорит, что сводит «порицателей» и «хвалителей» Островского на «очную ставку» [2, с. 9]. Как и Книга Иова, статьи Добролюбова и пьесы Толстого насыщены мировоззренческой и религиозной полемикой.

В творчестве Толстого идейные и стилистические переключки с Книгой Иова обнаруживают не только повесть «Смерть Ивана Ильича» и незаконченные произведения конца 70-х и начала 80-х годов. Своеобразное продолжение ситуации Иова было дано Толстым именно в драматургической форме – в драмах «Живой труп» (1900) и «И свет во тьме светит» (1890-1902). Повесть Толстого «Ходите в свете, пока есть свет» (1884-1887) с ее драматизированным прологом под названием «Беседа досужих людей» примыкает к этим драмам по своей проблематике и, главное, по форме: обилию диалогов. В том же 1886 году, когда была закончена «Смерть Ивана Ильича», Толстой создал драму «Власть тьмы» и незаконченную пьесу [Драматическая обработка легенды об Аггее]. Еще одну «народную драму» – «Петр Хлебник» – Толстой начал писать в 1884 году, возвращаясь к работе над ней и в 1894 году, предназначая ее для домашнего спектакля, в котором должны были участвовать крестьянские дети и младшие дети Толстого. Произведения Толстого, созданные в 80-е и 90-е годы, остроконфликтны, подчеркнута полемичность (как художественные, так и публицистические, как экзегетические, так и трактующие об эстетических вопросах). Конфликт веры и безверия, покорности Творцу и сомнения в его благодати, противоречия между божеским и человеческим в душе героя, беспощадно подвергающего анализу все вероучение, даже само понятие праведности, – это участь толстовского героя, особенно героя драматургии этих лет («Живой труп», неоконченная пьеса «И свет во тьме светит»), а также драматизированная повесть «Ходите в свете, пока есть свет», почти сплошь состоящая из диалогов о вере и предваряемая «Беседой досужих людей» о праведности и о самой возможности неукоснительного выполнения заповедей Христа в мирской жизни). Даже [Драматическая обработка легенды об Аггее] и пьеса «Петр Хлебник», предназначавшаяся

для детей, опираются на сюжеты, близкие к сюжету Книги Иова (легенда об Аггее была известна Толстому из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды»; «Петр Хлебник» имеет житийную основу).

Если в наброске к роману «Сто лет» Толстой вкладывает в уста Евстигнея, напоминающего Платона Каратаева, рассказ об Иове (Евстигней утешает невзучего, потерявшего близких и уже не надеющегося выбиться из нужды Корнея), то в драме «И свет во тьме светит» Сарынцев, богатый землевладелец, пользующийся уважением и дружбой всех окружающих, благополучный и счастливый в семейной жизни, сам отказывается от всех этих составляющих благополучия, потому что приходит к выводу, что живет не по-христиански. Порывает со своей средой и взыскующий правды Федя Протасов («Живой труп»). И Сарынцев, и Протасов остро переживают семейный разлад; с точки зрения Сарынцева, дети его гибнут нравственно в развращающей среде, Протасов вообще не видит возможности совместить заботу о семье с бескомпромиссными требованиями нравственного ригоризма (уйдя из семьи и, казалось бы, обретя искренне любящую подругу в лице Маши, он отказывается и от нее). Юлий, герой повести «Ходите в свете, пока есть свет», которую Толстой в подзаголовке определяет как «Повесть из времен древних христиан», также в конце концов отказывается от привычного образа жизни, от богатства и, разочаровавшись в своих взрослых эгоистичных детях, уходит в христианскую общину. Все эти три толстовских героя, без сомнения, автопсихологичны и могут быть сопоставлены с Семеном Касатским («Отец Сергей»), а также с Дмитрием Нехлюдовым («Воскресение»). Для всех этих произведений очень важна сюжетная модель метаноии и следующего за ней ухода от неправедной (с мирской точки зрения вполне правильной и успешной) жизни к праведной. При этом полное успокоение и праведную кончину автор дарит только Юлию, пережившему образ жизни уже в преклонных годах, Нехлюдова же и даже Касатского оставляет нравственно не сломленными, но и не защищенными от всех жизненных тягот и людского непонимания. Наиболее трагическая судьба, как известно, предназначена автором именно героям обеих автопсихологических пьес – самоубийство Протасова в «Живом трупе» и смерть Сарынцева от руки княгини, матери Бориса, хотя такая развязка осталась в кратком конспекте ненаписанного последнего, пятого действия пьесы «И свет во тьме светит». Но уже четвертое действие завершается полным отчаянием обращением Сарынцева к Богу: «Неужели я заблуждаюсь, заблуждаюсь в том, что верю тебе? Нет, Отец, помоги мне!» [9, т. 11, с. 273].

Повесть «Ходите в свете, пока есть свет» не была любимым авторским детищем, она вызывала у Толстого недовольство несовершенной, как ему казалось, формой. Толстой считал, что она написана им «не художественно – холодно». Он даже согласился (после некоторых колебаний) на вставки, сделанные Чертковым и, предположительно, другими лицами. Печатать тоже не спешил (первое издание в английском переводе (!) вышло примерно через три года после того, как работа над произведением была окончательно прервана, – в 1890 г.). Однако очень близкая к повести автобиографическая драма «И свет во тьме светит» (также не получившая окончательной авторской отделки, зато получившая название, перекликающееся с названием повести «Ходите в свете, пока есть свет») начата в том же году. Оппозиция света и тьмы играет огромную роль в толстовской драматургии 80-90-х годов, что видно даже из названий, содержащих лексемы «свет», «тьма» и их дериваты (включая название комедии «Плоды просвещения»). «Книга Иова представляет собой классический пример противопоставления света и тьмы» [7, с. 1031] и настоящую антологию этих образов. Эта оппозиция встречается на ее страницах много чаще, чем в других книгах Ветхого Завета.

Название повести «Ходите в свете, пока есть свет» восходит к нескольким новозаветным выражениям, особенно близко оно к евангельскому стиху «Ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма» (Ин.: 12, 35); название драмы «И свет во тьме светит» представляет собой точную евангельскую цитату (Ин.: 1, 5). Следующий евангельский стих синтаксически близок к зачину Книги Иова: «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн» (Ин.: 1, 6); напомним, что об Иове сказано: «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен...». Хождение – метафора образа жизни не только новозаветная, но встречающаяся и в Ветхом Завете. Иов свою праведность и счастливую жизнь вспоминает так: «В те дни, когда Бог хранил меня, когда светильник Его светил над головою моею, и я при свете Его ходил среди тьмы» (Иов: 29, 3). Несколько раз в Книге Иова используется образ хождения во тьме в качестве метафоры поведения грешника. К тому же «переход от тьмы к свету – один из основных библейских образов искупления» [Там же, с. 1232].

Автопсихологизм повести о Юлии несомненен, тем интереснее искать ответ на вопрос, почему Толстой охладил к работе над повестью из античной жизни. Только ли из-за отдаленности эпохи и затруднений с «реальными подробностями», как это может показаться на первый взгляд? Возможно, что счастливое успокоение Юлия, пришедшего в христианскую общину, казалось Толстому слишком легко достигнутым и умозрительным.

В ряду героев толстовских драм «ухода» богатый пан, персонаж [Драматической обработки легенды об Аггее], и Петр Хлебник, персонаж одноименной пьесы, занимают некоторое промежуточное положение между счастливым Юлием и несчастливыми Протасовым и Сарынцевым. Как и Иов, пан терпит лишения не по своей воле, но до переворота в судьбе он отнюдь не был праведником. Злой и скупой Петр Хлебник переживает метаноию во время тяжелой болезни, после чего, не считая, как и Сарынцев, себя вправе обездолжить семью, оставляет жене все богатство и сам себя продает в рабство, чтобы раздать нищим вырученные деньги. Финалы «драматической обработки» и пьесы о Петре Хлебнике оптимистичны: покаявшийся пан, которому, как Иову, возвращено его достоинство, оделяет нищих и обездолженных; Петр Хлебник становится святым и чудотворцем.

Понятно, что в глазах Толстого вся эта лубочно-притчевая стилистика годилась лишь для «Посредника» или детской самодеятельности. Мастерство Толстого-драматурга – это мастерство психологической убедительности, равной которой не знает русская драматургия. Обдумывая замыслы «Живого трупа» и «И свет во тьме светит», Толстой ставит перед собой философскую и психологическую задачу: создать психологическую (автопсихологическую!) драму, он уравнивает человека с Богом уже тем, что в «Живом трупе» и в «И свет во тьме светит» катастрофа – отказ от привычного образа жизни, повлекший лишения и семейную драму, –

это целиком инициатива главного героя. Ни Бог, ни сатана не испытывают человека, он сам испытывает себя, и не только себя, но и предписания Бога. Тут-то оказывается, что привести свою жизнь в соответствие с евангельскими заповедями, на что надеется Сарынцев, или хотя бы жить не по лжи, как хочет Федя Протасов, невозможно. Стоило Сарынцеву начать не на словах, а на деле исполнять требования Бога, как он попадает в положение Иова, который лишился достатка и спокойствия и при этом вместо сострадания получил обвинения пытающихся его вразумить жены и друзей, превратившихся из близких людей в обвинителей. Диалоги Сарынцева со священником, со свояченицей, с дочерью, со столяром и, в первую очередь, с женой превращаются в обвинение Сарынцева в каком-то экстремизме, в нежелании смириться, жить «как все». Борис Черемшанов, разделивший точку зрения Сарынцева, полемизирует с генералом, жандармом, священником, доктором. По сути, страдания Бориса и Сарынцева – те же страдания Иова, призывающего Бога к ответу на вопрос, почему высшая праведность оказалась наказуемой, почему именно заповедь любви оказалась неосуществимой в первую очередь. В ряду стремительно нарастающих парадоксов едва ли не самым обидным оказывается то, что жена Сарынцева, признавая необходимость христианского терпения, смирения и всепрощающей любви, именно своего мужа и обвиняет в отсутствии всего этого.

Священник, жандарм, генерал, доктор могут заблуждаться и быть представителями того мира, который «лежит во зле», но конфликт коренится гораздо глубже, потому что жизнь по-божески оказывается несовместимой с жизнью по-человечески, с любовью к детям, к жене, к матери. Как Бог может требовать праведности и совершенства от своего несовершенного творения? Толстой-максималист не к праведному успокоению и благодатной любви привел своих Протасова и Сарынцева, а к катастрофе и смерти. Совет жены Иова «Похули Бога и умри» (Иов: 2, 9) – это, в применении к Сарынцеву и Борису, и есть советы окружающих отказаться от требований христианства, «похулить» их, признать невыполнимыми, а Евангелие с Нагорной проповедью – пустословием. При этом все окружающие, включая духовное лицо, уверены или делают вид, что сами-то живут по Евангелию и знают истину. Пришедшие к Иову Елифаз, Вилдад и Софар, а потом и младший из собеседников, Елиуй, почему-то уверены, что могут поучать оказавшегося в несчастье товарища. И Иов, и Сарынцев, и Федя Протасов остаются в ужасающем одиночестве, в изоляции, которая страшнее всех страданий.

В 1879 году Толстой начал работу над «Исследованием догматического богословия», и это начало совпало с прекращением другой работы – над замыслом романа «Сто лет», один из набросков которого содержал вставной рассказ об Иове. Обращаясь к наиболее авторитетному в то время богословскому исследованию М. П. Булгакова (митрополита московского Макария), Толстой останавливается на проблеме Промысла Божия и проблеме теодицеи, приводя примеры из Книги Иова. Книга Иова – текст, конечно, дохристианский, но ведь и проблема вмешательства богов в человеческую жизнь, как и проблема теодицеи, – достояние не только христианства; эти вопросы ставил еще Эпикур. Автор Книги Иова «пережил эту трагедию, поставив бога традиционной религии перед судом разума», как пишет М. И. Рижский [6, с. 107]. «Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма» (Иов: 30, 26), – говорит Иов о своих бедствиях. Новозаветным же контекстом пьесы о Сарынцеве являются слова, ставшие ее заглавием. Взыскующие света истины, Иов и Сарынцев пытаются найти в случившемся с ними жестокий умысел, побуждение к разрешению мучительного для них противоречия, в силу которого чаяние света и исполнение требований Бога привело к тьме. В «Исследовании догматического богословия» Толстой, критикуя учение церкви о «промысле благого бога» [8, т. 23, с. 148], задает тот же вопрос: «Откуда зло нравственное и физическое?» [Там же]. Творчество Толстого посвящено поискам ответа на этот вопрос. Недаром он, высоко ценя талант Г. де Мопассана, с сожалением писал в своем предисловии к его произведениям, что Мопассан относится к тем людям, которые, ища разрешения противоречий жизни, «приходят к убеждению, что разрешений этих нет, что свойство жизни заключается в том, чтобы нести всегда в себе эти неразрешимые противоречия» [9, т. 15, с. 245]. Но почему Бог допускает эти противоречия, и не являются ли сами его требования к человеку противоречивыми? Такой вопрос объективно вытекает из финала четвертого действия драмы «И свет во тьме светит», а тем более из конспекта пятого действия, завершающего драму смертью Сарынцева.

Спустя более, чем полвека, на этико-философской проблематике Книги Иова сосредоточил свое внимание К. Г. Юнг в своем труде «Ответ Иову» (1952): «Триумф побежденного и претерпевшего насилие Иова очевиден: он морально возвысился над Яхве» [10]. По Юнгу, столкновение с Иовом привело Бога к желанию стать человеком: ответом Иову и было воплощение Бога в Сыне, явление Христа. «Бог поднимается над прежним первобытным состоянием своего сознания, косвенно признавая, что человек Иов морально выше его и что поэтому ему необходимо догнать в развитии человека» [Там же], – таково, по Юнгу, значение истории Иова для возникновения христианства. По Толстому, последовавший примеру Христа Сарынцев приносит, подобно Христу, добровольную жертву и, подобно Иову, вопрошает, почему Отец карает человека праведного. Драма Толстого становится новым вопросом к Богу нового Иова, христианина, подвергающего испытанию христианскую веру и мораль. На наш взгляд, мысли Юнга, высказанные в «Ответе Иову», вполне созвучны идее толстовской драмы. Юнг писал: «Чтобы избежать коварных ловушек Сатаны, нужно даже сверхчеловеческое разумение. <...> Путь к самым мучительным коллизиям долга идет именно через соблюдение христианской морали. А тот факт, что христианская этика вводит человека в коллизии долга, говорит в ее пользу. Вызывая неразрешимые конфликты, а вместе с ними и “*afflictio animae*” (скорбь душевную), она способствует человеческому богопознанию» [Там же]. Показательно, что жанр Книги Иова Юнг везде определяет как трагедию.

Финальную катастрофу Сарынцева еще со времени публикации драмы в 31-ом томе Полного собрания сочинений в 90 томах (1954) принято объяснять тем, что Толстой «вопреки своему замыслу утверждает невозможность путем личного самосовершенствования, добрым примером изменить существующие общественные отношения» [8, т. 31, с. 23]. Однако сомнительно, чтобы именно изменение социальных отношений было

первостепенной проблемой толстовской пьесы. В мае 1896 года, работая над драмой «И свет во тьме светит», напряженно размышляя над взаимоотношениями Бога и человека, Отца и Сына, проблемой веры и истины, греха и блага (о чем свидетельствуют дневниковые записи 16-17 мая), Толстой, казалось бы, неожиданно вспоминает о Добролюбове и 17 мая записывает в Дневнике: «Все эти Гр[ановские], Бел[инские], Черн[ышевские], Доброл[юбовы], произведенные в великие люди, должны благодарить правительство и цензуру, без кот[орых] они бы были самыми незаметными фельетонистами. <...> Они все в себе задушили тем, что воображали, что им надо служить обществу в формах обществ[енной] жизни, а не служить Богу исповеданием истины и проповедани[ем] ее без всякой заботы об формах обществ[енной] жизни» [Там же, т. 53, с. 90-91].

О том, как служить Богу, Толстой и ставит вопрос в своей философской драме о взаимоотношениях человека с Богом и о путях богопознания. Исследование библейского контекста автопсихологических драм Толстого позволяет сделать вывод о том, что определение жанрового своеобразия пьес «Живой труп» и «И свет во тьме светит» (традиционная жанровая дефиниция – «социально-психологическая драма») должно быть дополнено термином «философская драма». Добролюбов же, в статьях которого о драме Островского отсылки к образам Книги Иова эксплицитны, хотя и опосредованы одой М. В. Ломоносова, пронизательно указывает на библейский контекст произведений Островского, расширяя задачи «реальной критики».

Список литературы

1. Белоусова Е. В. Библия в прочтении Л. Н. Толстого: Книга Иова // Лев Толстой и время: сб. статей. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. С. 163-167.
2. Добролюбов Н. А. Литературная критика: в 2-х т. Л.: Художественная литература, 1984. Т. 2. 520 с.
3. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010. 808 с.
4. Ломоносов М. В. Сочинения. М.: Современник, 1987. 444 с.
5. Недзвецкий В. А., Зыкова Г. В. Русская литературная критика XVIII-XIX веков. М.: Аспект Пресс, 2008. 302 с.
6. Рижский М. И. Библейские вольнодумцы. М.: Республика, 1992. 236 с.
7. Словарь библейских образов / под общей ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта. СПб.: Библия для всех, 2005. Т. III. 1423 с.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений (юбилейное): в 90 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928-1958.
9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1978-1985.
10. Юнг К. Г. Ответ Иову [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: http://royallib.com/read/yung_karl/otvet_iovu.html#0 (дата обращения: 10.08.2016).

N. A. DOBROLYUBOV'S ARTICLES AND L. N. TOLSTOY'S DRAMAS: IN THE LIGHT OF IMAGES OF THE BOOK OF JOB

Zagorul'kina Yuliya Viktorovna
Moscow City University
julia_pyatkina@mail.ru

The article considers the motives of the Book of Job in that part of N. A. Dobrolyubov's critical heritage, which faces to the analysis of the plays of A. N. Ostrovsky, as well as in the plays of L. N. Tolstoy. In this connection the clarifications of genre originality of Tolstoy's philosophical dramas are proposed, and the innovation of Dobrolyubov, who indirectly indicated the biblical context of the Russian drama, despite the attitudes of "real criticism", is substantiated.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; N. A. Dobrolyubov; The Book of Job; drama; conflict between light and darkness.

УДК 8;80:81

Статья посвящена анализу модели циклического пространства как средства изображения действительности героев романа И. А. Гончарова «Обрыв». Рассмотрены способы репрезентации в произведении пространственной циклизации. Особое внимание уделено анализу особенностей функционирования в тексте романа единицы «цикличность», «кругообразность».

Ключевые слова и фразы: единица; сема; цикличность; кругообразность; пространство; актуализация.

Кугучева Татьяна Михайловна

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
tatianaonlyri@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦИКЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

В литературном движении XIX века начинает возрастать популярность повести как одного из прозаических жанров. Вместе с романом они имеют довольно сложную художественную природу. Важно отметить, что повести XIX века тяготеют к агглютинации, к слиянию в циклы. Так объединились в цикл «Повести Белкина» А. С. Пушкина – произведения, открывающие историю русской прозы, хотя и непонятые современниками во всей сложности их философской и художественной проблематики. К цикличности тяготеют и повести А. Бестужева-Марлинского. Яркий случай подобной же цикличности – повести Н. В. Гоголя,